

Фу Яньцин встала с кровати, и ребёнок, увидев это, поспешил одеться, но, встретившись с её взглядом, тут же остался голым, свернувшись на кровати, что вызвало у Фу Яньцин смесь жалости и смеха.

Сегодня Драгоценная наложница Сяо подарила ей множество вещей, среди которых были лекарства и мази. Немного порывшись, она нашла то, что нужно.

Фу Яньцин подтянула ребёнка к себе и протянула ему платок:

— Закуси это. Я буду тебе растирать, будет очень больно. Не издавай ни звука, иначе вышвырну тебя отсюда.

Ребёнок тут же крепко закрыл рот, замотал головой, как волчок, а затем, вспомнив, быстро открыл рот и плотно зажал платок зубами.

Фу Яньцин когда-то тренировалась в армии, и, чтобы быстрее развиваться, она прикладывала усилий в несколько раз больше, чем обычные люди. На её теле почти не было места без шрамов. Будучи женщиной, в армии, где были женщины, но только одна женщина-врач, она не хотела беспокоить других и обычно сама справлялась с травмами. Со временем она научилась справляться с основными повреждениями самостоятельно.

У ребёнка были в основном синяки, и, если их не размять, они бы долго болели. Фу Яньцин не щадила его, и маленькое тело под её руками дрожало, но ни единого стога не вырвалось. Когда она закончила массаж, она сама была покрыта потом.

Ребёнок лежал на кровати, тяжело дыша, весь в поту. Фу Яньцин, глядя на смятые простыни, вздохнула, вытерла ему пот и помогла одеться:

— Как ты себя чувствуешь?

Ребёнок, придя в себя, дрожа сел:

— Гораздо лучше. А ты... ты выздоровела?

Фу Яньцин кивнула:

— Я же сказала тебе той ночью, зачем ты снова пришла?

Ребёнок выглядел расстроенным:

— Ты меня ненавидишь?

Фу Яньцин удивилась:

— Нет.

— Тогда почему ты не хочешь, чтобы я приходила?

Фу Яньцин не знала, что ответить, почесала лоб:

— Мы не знакомы, ты прокрадываешься ко мне ночью, и я должна быть рада?

Ребёнок покраснел, но в его глазах появилась грусть:

— Я... кроме ночи, я... я не могу приходить.

Фу Яньцин почувствовала что-то:

— Почему не можешь?

Ребёнок опустил голову и молчал, маленький человечек сидел на кровати, в полумраке ночи, казался одиноким и беспомощным.

— Тогда зачем ты пришёл ко мне?

Фу Яньцин спокойно смотрела на него, прежде чем мягко спросить.

Ребёнок резко поднял голову, хотел что-то сказать, но, в конце концов, посмотрел на глаза Фу Яньцин и тихо произнёс:

— Не верь им, они не хорошие.

Фу Яньцин холодно взглянула, но, увидев в его глазах искреннюю заботу, сдержалась и притворилась удивленной:

— Не хорошие, кто?

Ребёнок забеспокоился, он мял уголок одежды, явно борясь с собой:

— Сяо... Драгоценная наложница Сяо.

— Ты пришёл только для того, чтобы сказать мне это?

Лицо Фу Яньцин оставалось спокойным, но голос стал мягче.

Ребёнок кивнул:

— В этом дворце никому нельзя доверять, ты не можешь избежать их, но и не верь им, хорошо?

Фу Яньцин резко изменила тон:

— Тогда почему я должна верить тебе, Седьмая принцесса?

Она специально подчеркнула последнее обращение, и лицо ребёнка побледнело.

Он крепко стиснул губы, глаза наполнились слезами, которые он с трудом сдерживал, голос был хриплым:

— Я... ты можешь не верить мне, я тоже не заслуживаю доверия, я не Седьмая принцесса... Я больше не приду, ты... но ты спасла меня, и ты, кроме мамы и тётушки Му, относилась ко мне лучше всех. Не дай себя обмануть.

По тому, как Фу Яньцин вела себя той ночью, он понимал, что эта сестра не причинит ему вреда, он был ей благодарен. Тётушка Му говорила ему, что во дворце доверие — это большая роскошь, как и доброта. Нельзя доверять никому, но если встретишь того, кто действительно хорошо к тебе относится, нужно ценить это.

Сказав это, он встал, чтобы уйти, даже не собираясь одеваться. Фу Яньцин, видя его жалкий

вид, пожалела о своих словах. Она была слишком подозрительной, по крайней мере, он не мог быть подослан Драгоценной наложницей Сяо.

Она взяла ребёнка за руку, глядя на его растерянное лицо, вздохнула:

— Если ты говоришь, что они плохие, зачем ты работаешь на них? Эти травмы связаны с ними?

Ребёнок, казалось, не поверил своим ушам, широко раскрыл глаза, полные слёз, и уставился на неё, что растрогало Фу Яньцин. Этот малыш был гораздо милее, чем Чжао Моцзянь.

— Ты что, от горя онемел, не понимаешь, что я говорю?

Ребёнок моргнул, слёзы ещё не высохли, в его глазах была радость, но через мгновение появилась горечь:

— У меня не было выбора.

Фу Яньцин почувствовала странное чувство. Рождённые в королевской семье, эти дети с ранних лет живут в мире интриг, они умнее обычных детей, но чем больше они знают, тем больше страдают. Её также удивило, что, хотя ребёнок был добрым, она не могла наивно думать, что он был совсем неопытным. Вероятно, он понимал, что прийти к ней с предупреждением было очень рискованно.

Фу Яньцин слегка нахмурилась и мягко спросила:

— Ты знаешь, что будет, если я расскажу Драгоценной наложнице Сяо о том, что ты сказал мне сегодня ночью?

Ребёнок поднял на неё взгляд, на его детском лице было спокойствие, не свойственное его возрасту:

— Знаю.

— И ты?

Ребёнок слегка улыбнулся:

— Я верю тебе.

Фу Яньцин, глядя на внезапно повзрослевшего ребёнка, почувствовала странное чувство:

— Потому что я спасла тебя?

— Да.

Ребёнок серьёзно кивнул, а затем добавил:

— И ещё, тогда я тоже боялся, но когда я плакал, обнимая тебя, ты утешала меня.

Его взгляд стал пустым, словно он вспоминал что-то, а затем тихо сказал:

— В мире всегда есть добрые люди, как те служанки, которые помогали мне. Некоторые просто из жалости помогали один раз, некоторые смотрели на меня с жалостью, а большинство просто игнорировали. Но те, кто рисковал и помогал мне втайне, были действительно хорошими

людьми. Потому что помощь мне могла обернуться для них ужасными последствиями, они были хорошими.

Затем он посмотрел на Фу Яньцин с блеском в глазах:

— Но ты, когда увидела, что я тону, даже не знала, кто я, но прыгнула за мной. Я, хотя и задыхался, видел, что ты тоже захлебывалась, но не бросила меня. Ты ненамного старше меня, я плакал от страха, но ты утешала меня. Значит, ты тоже очень добрая. Я верю тебе, даже если ты не веришь мне, ты не позволишь мне погибнуть.

Фу Яньцин была удивлена. Действительно, ребёнок из королевской семьи, как бы его ни воспитывали, имел поразительный ум.

— А если я окажусь глупой и случайно проболтаюсь?

Ребёнок с удивлением сказал:

— Ты принцесса из Резиденции юго-западного князя, юго-западный князь такой сильный, ты тоже не можешь быть слабой.

Он смутно помнил, как тётушка Му рассказывала ему о юго-западном князе, таком могущественном человеке, и его ребёнок тоже должен быть сильным.

— Хм, не знаю, умный ты или глупый.

Фу Яньцин пробормотала, а затем посмотрела на ребёнка:

— Как тебя зовут? Кто ты по счёту?

Ребёнок задумался, он знал, что он... но через мгновение стиснул губы:

— Я... девятый, он... он не дал мне имени. Тётушка Му сказала, что мама заранее дала мне прозвище, Циань.

Фу Яньцин замерла. Девятый? Это Чжао Цзыянь! В её голове всплыло лицо, всегда холодное и бесстрастное, тот, кто почти никогда не говорил, но, когда говорил, заставлял всех замолчать — Девятая принцесса!

Она смотрела на ребёнка с недоумением, не в силах связать этого милого и искреннего малыша с тем, кто в будущем будет окружён бесконечной тьмой.

Ребёнок, видя её странное выражение лица, забеспокоился:

— Ты... что-то не так?

Фу Яньцин очнулась, покачала головой, но чувствовала себя крайне сложно. Тот, кого Чжао Моцзянь так боялась в будущем, в детстве жил в страхе под её и её материнским контролем. Неудивительно, что в прошлой жизни она никогда о ней не слышала, ведь она жила в тени. Теперь, подумав, Чжао Цзыянь должно быть семь лет.